КОМБАБЪ.

СОЧИНЕНІЕ
г. ВИЛАНДА.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Комбабъ сочиненіе г. Виланда, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оное и напечатано быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

КОМБАБЪ.

Добродѣтель есть, по мнѣнію мудрецовъ, не знаю что; —— пускай вамъ сами скажутъ! Одинъ называетъ ее искусствомъ, другой наукою, иной природы даромъ, иной чудесной силой; по Зороастрову ученію она есть путь къ Творцу; по мечтаніямъ Ксекіаса она есть путь въ ничто. Пирронъ кричитъ: она есть то, что вамъ угодно. Сенека клянется, что ему дороже она злата. Она есть камень Философскій, она чинитъ и Ира богачемъ, вериги желѣзныя превращаетъ въ цѣпь цвѣтовъ, и дѣлаетъ (чего едва и Цирцея въ силахъ) Кратеса Адонидомъ и Діогена Царемъ; но не во снѣ ли только? кричитъ насмѣшникъ Лукіанъ.

кіанъ. — Мудрецъ изъ Стагиры, разверзши циркуль, проводитъ между излишествомъ и недостаткомъ черту, сколько можно прямѣе; — и се есть ближайшая черта къ ея чудесному жилищу! но берегитесь, чтобы не упасть. Господинъ мудрецъ! (взываетъ просившій Александра, чтобы не заслонялъ солнца передъ собой) коль такъ все умствованіе твое! мы тащимся лишь туда, куда природа предшествуетъ намъ; сія прямымъ путемъ идетъ. Да естьли ты и поскользнешся, чтожъ нужды? ты не низпадешь ужъ глубже гордаго Икара; нѣтъ нужды запасать лѣкарствъ для преломленныя спины. Киренійскій же мудрецъ, упоенъ лобзаніями младой Нимфы и старымъ виномъ, вопіетъ: Я позналъ такъ добродѣтель! — Ахъ! я люблю ее: она благосклоннѣйшая красота, и кто описываетъ ее мрачною, тотъ мнѣ въ живописцы

писцы не годится; она должностію намЪ творитЪ забавы и удовольствія, и покрываетЪ цвѣтами путь жизни нашей. -- Неправда, ложь! такЪ ПродикЪ вопіетЪ. Сей путь завелЪ бы насЪ вЪ неизходимый лабиринтЪ, вЪ коемЪ, упившися сластолюбія приманой, заблуждаютЪ и самомудрѣйшіе мужи. Она напротивЪ есть узкая и прискорбная стезя, исполненна терніемЪ безЪ розЪ; и кто инако мыслитЪ, тотЪ не вѣдаетЪ путей.

Постойте всѣ вы хитрые мужи, вы всѣ быть правы можете вЪ семЪ дѣлѣ, прошу не ссориться о томЪ: величайшее дѣло, вЪ которомЪ всѣ мы согласны, есть сіе, что добрый человѣкЪ жизнію своею являетЪ намЪ понятіе свое о добродѣтели. КакЪ бы вы ее ни описывали прекрасно, но для меня не стоитЪ она ничего; еже-

ли сидитъ она заключена лишь въ вашей головѣ, а причину пусть скажетъ вамъ Тоби . . . . . Теперь прошу я васъ, (не нарушая почтенія, должнаго къ вашимъ бородамъ, епанчамъ, бѣлымъ парикамъ, ошейникамъ и всему прибору мудрости) дозвольте мнѣ изъ практическаго круга предложить задачу, и вотъ въ чемъ дѣло состоитъ.

Нѣкоторый Царь, владѣвшій прежде сего въ Антиливанѣ, (онъ назывался, когда не обманывается Лукіанъ, Антіохомъ, но въ имени не много нужды) владѣлъ рѣдкимъ щастіемъ; имѣлъ въ супругѣ, младостію и красотою Венерѣ неуступавшей, и строгія добродѣтели жену; еще, что рѣже и того -- имѣлъ онъ друга у себя.

У Царя другъ? Царю не льзя его имѣть, Діогенъ речетъ

Фи-

Филиппову сыну. Коль есть такое правило, то Царь мой по щастію своему учинилъ изъятіе, избравъ въ друзья Комбаба.

Прекрасна, молода и весьма разумна, какъ мы уже сказали, была супруга нашего Царя; нѣжна, какъ невинная пастушка, притомъ благоговѣйна; — сіе ужъ слѣдуетъ необходимо. — Въ доказательство сего послужитъ намъ обѣщаніе, которымъ обязалася она путешествовать невѣдомо въ какую дальную страну; тамъ желала она воздвигнуть прекрасный храмъ Богинѣ, сопрягающей насъ супружества союзомъ, защитницѣ всѣхъ честныхъ женъ (но не примѣру).

Нашъ Царь хотя и самъ былъ не изъ числа юношей, однако почиталъ обѣтъ сей чуднымъ. Учтиво представилъ онъ ей, что дѣ-

ло сіе могло бы произведено быть руками другихъ: мой Архитекторъ есть искусный мужъ. Ахъ! нѣтъ, любезнѣйшій супругъ! я должна сама положить камень во основаніе; отъ сего обѣта ничто не можетъ разрѣшить меня; я возложила его на себя въ нашъ брачный день всенародно; хотя упорствуетъ сему душа моя, но есть ли она и разорвется, то Богинѣ удовлетворю я непремѣнно.

Царь хотя и предлагалъ еще ей нѣкоторыя противу доказательства, однако — она занемогла. Первый врачь Царевъ произнесъ рѣшеніе со всѣми, званію его пристойными, ухватками, и доказывалъ изъ Иппократа, что нѣтъ инаго средства къ выздоровленію ея, какъ только отправить ее съ помощію Юноны въ путь.

Извѣстно вамъ, что въ такихъ обстоятельствахъ мужу, хотя

тя бы онъ былъ Царь, нечего инаго дѣлать, какъ быть не ясно зрящимъ и согласиться, когда уменъ, изъ доброй воли на отъѣздъ.

Нашъ Царь по наружности своей играетъ лице сіе съ довольною исправностію, (ибо другіе его рода не охотно притворяются) но внутренно не очень онъ спокоенъ. Отпустить отъ себя толь прекрасную жену, отъ мысли сей уже холоднымъ потомъ покрывается. Хотя прекрасная жена и наидобродѣтельнѣйшая была, но слѣдствіе само собою ясно.

Многіе опыты суть препятствіемъ супругу ея въ спокойствіи его. Разумный мужъ шестидесяти лѣтъ, сомнѣнія исполненъ, не много полагается на мудрость ея, а на добродѣтель не имѣетъ и совсѣмъ

надежды никакой. -- Тѣмъ хуже для обоихъ! -- Сидитъ нашъ Царь, потирая по лбу рукою, подпершися другою. Весь Царскій мозгъ работаетъ теперь, (сей трудъ онъ рѣдко принималъ) вымышляетъ средство, чтобы доставить себѣ покой. Любимецъ его никакою шуткою не въ силахъ обратить на себя взора его; и вдругъ зоветъ къ себѣ Царь отрока въ переднюю: призовите ко мнѣ сей часъ Комбаба. Комбабъ, другъ его, хотя и молодъ, прекраснѣе прелестнаго Нарциса, но не взирая на опасности отъ красоты и младости его, испытанный въ добродѣтели мужъ, единъ Комбабъ, другъ его, возможетъ при случаѣ такомъ быть хранителемъ и чести и спокойствія его.

Приходитъ другъ; легко вы можете и безъ меня узнать, что Царь съ нимъ говорилъ. Бѣдный любимецъ

любимецЪ стоитЪ какЪ громомЪ пораженЪ, молчитЪ, ужасается и уши повѣсилЪ. СЪ которой стороны ни разсматриваетЪ предложенiе, отвсюду зритЪ погибель свою.

Но чтожЪ начать? — Царь и другЪ его говоритЪ: я долженЪ разстаться сЪ Астартою на два года, любезный другЪ; ты знаешь, что я люблю ее какЪ свѣтЪ вЪ глазу, и долженЪ теперь разстаться сЪ нею; кому же поручить ее кромѣ друга своего Комбаба; самаго меня удерживаетЪ Царская должность. — На душу твою полагаетЪ безпредѣльная надежда моя тяжчайшее попеченiе. Тебѣ вручаю я ее, прекраснѣйшую и любезнѣйшую жену, ты будь ея Визирь, хранитель, другЪ и совѣтникЪ; и во мзду вѣрности своей прiими по возвращенiи своемЪ половину всего царства.

Ска-

Скажитежъ мнѣ, что дѣлать бы ему? -- Нечего инаго, какъ то, что онъ учинилъ: упавъ въ ноги, говоритъ Комбабъ, что онъ не въ силахъ изъяснить словами благодарныхъ чувствій своего сердца; приноситъ обѣщанія клятвы; — однимъ словомъ, все, чѣмъ долженъ каждый любимецъ прикрывать прискорбность души: при улыбающемся взорѣ летѣть подобно Меркурію, когда Юпитеръ опредѣлитъ въ златомъ дождѣ сойти во объятія нѣкія Нимфы.

Комбабъ удаляется; -- послѣдуемъ и мы за нимъ, послушаемъ, что самъ съ собою сей бѣдный человѣкъ говорить начнетъ. Онъ бросился на постелю, вздохнулъ и горько возрыдалъ. — О Боги! чѣмъ прогнѣвалъ васъ Комбабъ? О когда бы не избиралъ меня ни единъ изъ Владыкъ себѣ въ любимцы! ничто не можетъ спасти

меня;

меня; нѣтъ ни въ чемъ иномъ спасенія, развѣ что ужаснѣе отравы и самыя смерти.

Потоки слезъ прерываютъ его рѣчи; отерши же ихъ продолжаетъ такъ: О Царь! Владыко мой и другъ! чего не сдѣлалъ бы я для тебя? — но погубить вдругъ добродѣтель и честь, сего ужъ слишкомъ много! — При сихъ словахъ умолкъ.

Но чтожъ? опомнися, такъ мыслитъ онъ самъ въ себѣ; я знаю самъ себя. Я честь любилъ всегда и добродѣтель; — по чтожъ толь мало надѣюсь на себя? такъ; но — Царица; ахъ! она — она есть лучшая изъ всѣхъ женъ, благонравна, цѣломудра, какъ священница, невинность самая; — однако же — (сказать по совѣсти) она вить женщина, имѣетъ плоть и кровь, подобно другимъ краса-

ви-

вицамъ, и не безъ труда возможетъ пробыть три, или четыре мѣсяца безъ брачныхъ утѣшеній. Комбабъ! младая женщина; — положимъ случай тотъ. Ну, какъ и что начать тогда? беречься будешь ты, чтобъ не было его. — Хорошо; но естьли со всѣмъ тѣмъ будетъ случай тотъ? — За то не льзя ручаться тому, кто знаетъ сердце человѣка. — Положимъ, что тебя начнутъ больше почитать; начнутъ находить въ присутствіи твоемъ невинную забаву; — мало по малу привыкнутъ, не вѣдомо какимъ образомъ, имѣть Комбаба неотлучна предъ собою. Почтутъ довѣренностію, станутъ шутить, играть въ тавлеи, и не всегда же Зороастра лишь читать; дружбѣ отворяется входъ въ самую спальню; ее никто не боится, ей ни мѣсто, ни время никакое не возбраняется. Невинность и безопасность не возмущаетъ никакое

какое подозрѣніе. Свободясь отъ принужденій благопристойности, откроется ненарочно бѣлѣйшая мрамора рука, грудь дыханіемъ оковы свои по малу разрѣшающая, стройная нога; кто могъ бы прогулять толь нѣжное зрѣлище, незапно представляющееся, тотъ долженъ быть больше Зороастра, или нечувственнѣе истукана.

Но что? возможетъ и очень возможетъ таковый случай; — забыть себя можетъ и Царица. Ну естьли тогда нападетъ она на сердце и естьли не въ силахъ его тронуть, тогда она чувства твои начнетъ прельщать, къ тому не пощадитъ всѣхъ средствъ. — Тогда Комбабъ что пользуютъ тебѣ сопротивленія; къ чему тутъ геройскія всѣ дѣйства. Извѣстно всѣмъ, что при всякой побѣдѣ уменьшается сила къ побѣжденью, и наконецъ собственное

твое

твое сердце, состоянiе твое ей измѣнитъ. Тебѣ помощниковъ не много, лишь честь и добродѣтель; а ей споборствуетъ красота, прелесть, сладострастiе и самая природа; въ таковомъ сраженiи любовь имѣетъ весьма великiя превосходства. Да естьли, о Комбабъ! еще упорствовать ты можешь, возможешь ли не тронуться зрѣлищемъ печальнымъ, когда Царица токи слезъ прольетъ; ахъ! нѣтъ, мнѣ вѣдомо твое сердце! — ты падешь къ ея стопамъ, и каждую каплю слезъ начнешь ты цѣловать; прижмешь ты тающее любовiю сердце къ ея груди; и кромѣ ея ничего ни чувствовать, ни видѣть не будешь, а тамъ — о Боги, вы меня спасите. — Вскричалъ онъ ярко, и бѣгать сталъ, какъ будто отъ себя желая убѣжать. — Подобно какъ страхомъ ужаснѣйшiя мечты пробужденный, закутывается во всѣ одежды, и мнитъ

мнитЪ обЪятымЪ быть себя пламенемЪ, хватаетЪ за горящіе власы.

Теперь скажите мнѣ, божественные Сократы, или какЪ бы вы ни назывались, — какой совѣтЪ подать Комбабу? Ну, чтобы сдѣлали вы? Представьте себя самихЪ на его мѣстѣ, и говорите! — Извѣстно намЪ, что ДонЪ РобертЪ Арбрисель совсѣмЪ не такЪ былЪ робокЪ: чего и пьяные не смѣемЪ, на то дерзалЪ онЪ трезвой; однакожЪ замѣтьте, что при всемЪ томЪ не былЪ онЪ злодѣй. (ТакЪ что же сдѣлалЪ РобертЪ? — Что? О томЪ не охотно разсказывается; вы можете узнать прочетши Беля.) КомбабЪ не больше былЪ какЪ бѣдной — СиріянинЪ; однако, дозвольте мнѣ сказать, любилЪ онЪ добродѣтель, и для того не охотно шелЪ вЪ опасность; вить знаете, не вся-

кой долженъ на то отваживаться, что брату Робину казалось игрушкою.

Но я ужъ не шучу; совѣтуйте скорѣй: вы видите недоумѣніе Комбабово. Забудьте то, что сдѣлали бы вы сами. (Можноль усумниться, что и вы еще въ тѣлеси.) Скажите, что начать Комбабу надлежитъ въ такомъ обстоятельствѣ; какимъ образомъ въ сіе мрачное мгновеніе ока избѣжать опасности, чтобы не нарушить священныхъ должностей цѣломудрія, вѣрности и дружбы? Повѣрьте мнѣ, такой вопросъ не есть изъ самыхъ легкихъ.

Бѣжать совѣтуютъ мудрѣйшіе изъ васъ; брань добродѣтели съ любовью, утѣхою и младостью есть весьма неровный бой, вы сами признаетесь: едино средство, чтобъ бѣжать, спасаетъ нашу добродѣтель.

Къ нещастію сей совѣтъ въ семъ случаѣ нейдетъ: должность не позволяетъ бѣдному юношѣ послѣдовать ему; вѣрность къ другу и Государю воспрещаетъ отказаться отъ званія своего, сколько оное ни соблазнительно. Онъ долженъ.... „ Такъ пусть — кричатъ всѣ казуисты въ одинъ голосъ — „ пусть условится онъ съ глазами и дерзнетъ! — Легко ето сказать; но Комбабъ, который зналъ себя и ничего на удачу не начиналъ, не можетъ снести и случая къ преступленію. Отъ колеблющагося слѣдствія единыя минуты зависитъ весь покой, слава, щастіе и самая жизнь его: паденіемъ своимъ лишился бы онъ всего сего. Въ засадѣ зависть и пронырливая ревность сто глазъ имѣютъ устремленныхъ на всѣ поступки бѣднаго Комбаба Возможно ли ему надѣяться спокойно вкушать плоды порока своего?

Но пусть вокругъ ихъ прострешъ любови Богъ густыя облака, пусть щастіе ихъ продлится столькожъ, какъ и огнь, пусть Аргусъ самъ надъ ними напрасно надзираетъ; однако въ немъ самомъ недремлющій свидѣтель есть, котораго Комбабъ не въ силахъ обмануть; его не столько ужасаетъ смертоносный зракъ зміевласыя Медузы. Что пользы, хотя весь свѣтъ обманетъ онъ, коль стыдно заглянуть ему въ себя самаго.

Въ такой конечной опасности едино средство предстоитъ встревоженной душѣ его. Ужасно есть и вымолвить его; но оно одно удобно спасти отъ преступленія. Не долго совѣтовалъ онъ со плотію и кровію: съ глубокимъ вздохомъ беретъ онъ ножъ, или бритву, или другое тому подобное орудіе, и отвращая взоръ отъ предпріемлемаго дѣйствія . . .

. . . Уже

. . . . . . Уже совершилось сїе мужественное похвальное дѣйствїе!

О вы, которыхъ обязуетъ страшная клятва взирать на прекраснѣйшую грѣшницу безъ вожделѣнїй, смотрите, коль важную дань добродѣтели платитъ Комбабъ! И когда и вы признаете сїе за кратчайшїй путь избѣжать ловленїй сатанинскихъ, то идите и то же сами учините.

Между тѣмъ отъѣзда часъ насталъ: Комбабъ прїемлетъ увольненїе; Астарты добродѣтель является во всей славѣ; супругъ ея вручаетъ вѣрности любимца любезную супругу.

Вдругъ вскричалъ Комбабъ: „ едва я не забылъ нужнѣйщее нѣчто „. Бѣжитъ, и паки возвращается вскорѣ съ коробочкою въ рукахъ. Повергшись къ ногамъ Царя говоритъ ему: „ Еще дерзаетъ

рабЪ твой проситъ единыя милости. Коробочка сія вмѣщаетЪ вЪ себѣ хотя не важное сокровище, но драгоцѣннѣйшее и любезнѣйшее изЪ всѣхЪ имѣній Комбабовыхъ; и для того, желая имѣть ее вЪ безопасности, повергаю предЪ стопами Царя моего. Приложи печать кЪ ней твою, и удостой поставить между царскими сокровищами твоими. Пусть будетЪ она тамЪ до той поры, пока потребуетЪ ее КомбабЪ.,, Клянется Царь своей сѣдою бородою, что лучшее мѣсто займетЪ коробочка его межЪ царскими сокровищами. СказавЪ сіе, вЪ присутствіи Комбаба кладетЪ печать на сей залогЪ. Рѣки слезЪ проливши отторгается Астарта отЪ прощальныхЪ лобызаній; десять разЪ назадЪ возвращается; еще одинЪ разЪ прижимаетЪ вѣрное свое сердце кЪ его груди, и полумертвая относится вЪ свой паланкинЪ.

ЧрезЪ

Чрезъ три мѣсяца достигаетъ высокій караванъ благополучно до назначеннаго мѣста. Страна сія была пуста, но вмѣщала чудесныя красоты: прелестныя поля и темные лѣса, орошаемые пріятно извивающимися журчащими источниками.

Строеніе начинается и продолжается (стараніемъ всемъ управляющаго Комбаба) съ такимъ успѣхомъ, что прежде истеченія двухъ лѣтъ оставалось поставить только на верьху флюгоръ. Все зданіе сіе казалось быть дѣломъ рукъ безсмертныхъ.

Легко познать, что Астарта не долго пребыла нечувствительна къ достоинствамъ нашего героя. Почтеніе къ заслугамъ и добродѣтели есть свойство украшающее подобныхъ ей. Хотя внутренния его достоинства не тре-

требуютъ подкрѣпленія отъ наружныхъ; но могло ли сокрыться отъ проницанія ея, что волосы его прелестны, глаза толикой остроты, какой вообразить лишь можно, и естьли бы пламя ихъ не закрывалъ нѣкій мрачный облакъ, то едвали бы возможно было сносить ихъ быстрый взоръ. — Усмѣшка; ахъ, колико та сладка! сколь тихо вкрадывается она во всѣхъ сердца! Бѣлизна лица его не уступала бѣлизнѣ нарцисовъ, а румяность красотѣ розъ. Колико стройный станъ! какіе непринужденные поступки! — Однимъ словомъ, Астартѣ другъ ея Комбабъ толико прекрасенъ быть казался, что простила бы она самой Юнонѣ, естьли бы Богиня любить его захотѣла. Какое величество духа! сколь тихи, благородны сердечныя чувства! сколь остеръ его разумъ, сколь пріятны

шут-

шутки! и словомъ, одинъ лишъ тотъ въ немъ недостатокъ — что слишкомъ онъ почтителенъ. (Однако вы видите, что сей упрекъ казали ему одними взглядами.) — Не должно изъ предѣловъ выступать; однако чтобъ столько быть несмѣлу, сіе казалося уже чудно. — Не много дерзости въ людяхъ, ему подобныхъ, почитается болѣе пріятностію, нежели недостаткомъ. — На что убѣгать встрѣчающихся ему взоровъ? — Не ужъ то онъ страшится ея взглядовъ? — Отвѣтъ не трудно ему дать: онъ любитъ, и бѣдный стремленіямъ своимъ противоборствуетъ; но кого же любитъ онъ? кого ему любить, развѣ или Богиню, или ее? Не льзя быть иначе никакъ: какъ можно ему, который навсегда ее въ глазахъ имѣетъ, пребыть свободнымъ? Сіе объясняетъ ей все. Не смѣетъ онъ еще признаться въ своей тайнѣ, и страждетъ отъ

 дол-

должности своей. Вотъ отъ чего все принужденіе, взгляды изъ подъ тиха, вздохи толь часто вырывающіеся, уныніе взоровъ, блѣдность ланитъ, и мрачность, покрывающая прекрасное чело его при всякой неосторожности.

Простительна была Астартина ошибка: для справедливѣйшаго заключенія должно бы вѣдать тайну Комбабову. Намъ ясно все, ибо мы вѣдаемъ болѣе о его обстоятельствахъ. Астарта впрочемъ вѣдала, что Богини должны сами отважиться содѣлать первый шагъ, коль нѣжный пастушокъ, которую плѣнитъ; и часто приступать обязаны къ другому, третьему и далѣ; коль столько робокъ Селадонъ, какъ въ Мариновыхъ стихахъ Адонисъ. Въ такихъ случаяхъ Богиня должна отступить отъ правилъ, другими женщинами наблюдаемыхъ. Однако

ко довольно есть способовъ сказать пристойнымъ образомъ все то, что надобно открыть. Нѣтъ нужды завсегда однимъ и тѣмъ же правиламъ послѣдовать. Придворный человѣкъ разуменъ долженъ быть и знающъ въ разговорахъ, взорами чинимыхъ.

Но при нашемъ ироѣ все, что Царица его ни даетъ знать ему взорами, все то тщетно: отъ почтенія ли, или отъ стыда, робокъ онъ чрезмѣрно. Онъ впрочемъ жить умѣетъ, и естьлибъ нѣсколько поостроумнѣе онъ былъ, то сталъ бы самъ стараться облегчить ей тотъ важный шагъ, который никогда женщина себѣ не позволитъ учинить. *Уже* начинаетъ она яснѣе говорить. Теперь уже долженъ онъ понять; быть надо слѣпу, чтобы сквозь сито не видать. Коль Царица такіе взгляды возводитъ на тебя, жметъ руку, и ни-

ни о чемъ иномъ не говоритъ, какъ только о симпатіи и о любви, не зависящей отъ воли; когда она весьма натуральнымъ то щитаетъ, что Богиня, нашедъ въ семъ нижнемъ мірѣ Цефала, иль Ацида, безъ размышленія удовлетворяетъ сладчайшимъ побужденіямъ; я говорю еще, коль она столь далеко тебѣ на встрѣчу идетъ: то надобно ужасному быть въ тебѣ расточенію мыслей, когда всего того еще понять не можешь.

Совсѣмъ другая здѣсь причина; но Астартѣ знать ее не можно: что мыслить ей иное было, какъ что другая уже владѣетъ имъ. И съ самыя сея минуты каждый взоръ его, каждый шагъ примѣчаемъ и испытуемъ становится. Не столько занимаетъ паки являющаяся комета недремлющихъ Кассиніевъ. Извѣстно всѣмъ, сколь быстро зрятъ влюбленныхъ очи,

тѣмъ паче, коль и ревность ихъ микроскопически зрѣть заставляетъ. Комбаба берегутъ больше, нежели обвороженный кладъ; однако наконецъ вышли изъ терпѣнія не видя ничего.

Царица, принужденная отступить къ первому положенію, думаетъ теперь, будто читаетъ въ его глазахъ, что боязнь одна и чрезмѣрная стыдливость отъемлютъ у бѣднаго молодца и разумъ и зрѣніе. Пасторъ Фидо есть стыдливѣйшее изъ всѣхъ существъ твореніе. Видитъ она, что для разрушенія очарованія сего потребно нѣчто чрезвычайное, и изъ любви къ взаимному спокойствію предпріемлетъ она то, хотя и не охотно.

Сколь чрезвычайно было таковое предпріятіе въ ихъ времена, столь обыкновенно и ежедневно

дол-

должно оно быть въ наши дни къ посрамленію древности. Что наши молодцы хотя часто чванятся и хвастаютъ притомъ, на то согласенъ я; -- но какъ бы то ни было, слѣдующее явленіе прекрасную составилобъ картину; но я не стану описывать его, и то, повѣрьте мнѣ, не изъ святошества.

Да будетъ вѣдомо всѣмъ мрачнымъ Ригористамъ, Тартюфамъ, Методистамъ, Смелфунгамъ, и прочимъ всѣмъ даже до сѣдаго младенца, которому весьма противны всѣ малыя Граціи, что всѣ Амуры и Амуретты, малыя Граціи, пещеры, канапе и всѣ оттоманны въ свѣтѣ, со всѣми Маріонами, Нинонами, которыя, отъ временъ прекрасныя Лаиды до нашихъ дней, лежали на розовыхъ софахъ, Нинону также не изключая; что всѣ они съ волшебными дарованіями своими, во

зло, или благо употребленными, и въ половину столько зла не причинили свѣту, сколько вы съ вашими сплетнями и ложною важностію.

Сіе все сказано было мимоходомъ; — но истинная причина, для чего мы не описуемъ вамъ Астартину спальню, ея спальное платье, и то, что дѣлала и что говорила она притомъ, сколь ни прилично сіе для картины, есть та, что стихотворцы не должны списывать съ себя самихъ. Однимъ словомъ, была то софа. Аврора играла ту же ролю, естьли вы помните, хотя и съ большимъ щастьемъ; ибо, ахъ! Комбабово состояніе все то дѣлало тщетнымъ, чѣмъ не льстя себѣ можно уповать о побѣдѣ надъ — мущиною.

Комбабъ! — положеніе его въ самомъ дѣлѣ противно естеству. Чувствуетъ и онъ то, — что я

не могу не краснѣя вамъ сказать — не къ одной добродѣтели Астартиной. — Прельщаются его глаза и самою ею. О добродѣтель! взываетъ онъ, какую жертву принесъ я тебѣ! ахъ! почто не отнялъ я у себя тогда и жизни, — когда я, обманутой, себѣ — Ахъ Царица! какъ смѣю я, и какъ могу признаться предъ тобою, чего лишилъ я самъ себя. Онъ говорилъ сіе съ видомъ яростнымъ. Царица вскричала думая, что яростію Нимфъ исполнился Комбабъ.

Но скоро избавлена она была отъ сего страха: Комбабъ весь внѣ себя повергается къ стопамъ Царицы, объемлетъ и пламенныя лобзанія даетъ тѣмъ мѣстамъ, которыя поближе къ его губамъ; прелѣстнѣйшія колѣна — и когда Астарта пришла паки въ себя изъ восхищенія, (которое на прекрасномъ лицѣ ея пріятную улыбку разпростирало

и сладчайшіе взоры какъ будто пріятнымъ сномъ смерти затворяло) тогда разсказываетъ бѣдный Платонистъ жалобиую повѣсть о своемъ геройскомъ дѣлѣ.

Я вижу по вашему пожиманію плечами, что слабость, кою онъ явилъ намъ, воздвигаетъ гнѣвъ противъ его всѣхъ непрощающихъ ничего Катоновъ. Комбабъ въ краткое время теряетъ все, что ни было въ поступкѣ его достойнаго. — Ахъ! можно ли на всякій случай умудриться? Я легко прощаю природѣ малые недостатки; притомъ одинъ ножа урѣзъ не дѣлаетъ человѣка Ангеломъ.

Но какъ бы то ни было; Комбабъ пріобрѣлъ то у своей Царицы, чего лишился онъ у васъ. Она чувствительно тронута была его повѣствованіемъ, взирала на него съ удивленіемъ и горестію. — Два года зрѣть и слышать тебя ежедневно, Астарта, быть исполненну чув-

 ствій

ствій нѣжныхъ къ твоимъ прелестямъ, и не обожать ихъ? Я зналъ себя! — Простишь ли мнѣ и ты, когда признаюсь я? — Притомъ полагая въ твоемъ прекрасномъ сердцѣ много чувствій, не могъ подумать я, чтобъ ты хотя безмолвными моими страданіями никакъ не была тронута. — А могъ ли я спокойствіе твое дешевымъ для себя поставлять? Могъ ли я пощадить что либо для доставленія тебѣ его. — — Не въ силахъ былъ онъ больше говорить; горести и нѣжности исполненное его сердце должно было страданіями разорваться, или излиться въ слезныхъ потокахъ на прекрасную ея грудь. Царица сама забываетъ сопротивляться сладчайшему и болѣзненному удовольствію; пріемлетъ его въ объятія свои, вкушаетъ удовольствіе быть любимою, удовольствіе услаждающее всѣ болѣзни! Жестоко было бы лишить себя и его оставшагося утѣщенія, лишить сво-

бо-

боды, проливать сладостныя слезы, въ которыхъ сердца обоихъ въ едино стекались, которыми упоясь непримѣтнымъ образомъ забываютъ, что есть еще забавы, коихъ они лишаться должны. Да будетъ между насъ сіе залогомъ, говоритъ Царица освободясь изъ его объятій: сіе да будетъ залогомъ нѣжности моей, (при семъ даетъ ему она свою руку) нѣжности, мною тебѣ явленной. Будь вѣчно моимъ другомъ, и естьли можетъ замѣнить мое сердце то, чего ты для меня лишился, такъ вкушай щастіе зрѣть себя любимымъ мною, какъ ни одинъ изъ смертныхъ, ни Ендиміонъ, ни Цефалъ, ни Атисъ, ни Адонисъ не былъ любимъ своими богинями. — Теперь смѣю признаться предъ тобою, что безпримѣрное твое великодушіе доставляетъ мнѣ непорочныя побужденія посвятить тебѣ всю мою душу; оно позволяетъ мнѣ тебя любить толико, сколько ты одинъ достоинъ.

Они еще много подобныхъ симъ рѣчей между собою говорили, которыя однако не сдѣлаютъ равнаго впечатлѣнія въ читателяхъ нашихъ, и для того пропустимъ мы всѣ ихъ рѣчи. Но признаться долженъ я, (чтобы ни говорили Ригористы) что въ семъ случаѣ нахожу поступокъ Царицынъ прекраснымъ: столь охотно встать съ софы, возбуждавшей сладострастіе и надежду побѣды, и сдѣлать сіе безъ жалобы, безъ коверьканья, перейти отъ сластолюбія къ любви Платонической; сіе возможно только прекраснымъ душамъ. Вотъ для чего люблю я ее! — Сколь несносно противнымъ показался бы прекраснѣйшей мущина въ подобномъ случаѣ Царицѣ Кристальныхъ островов! какъ можно ему простить добродѣтель, которая дѣлаетъ его статуею въ то время, когда надѣялась она наслаждаться всемъ. Сіе все ему простить? нѣтъ, не можно никогда! хотя бы

имѣлъ онъ больше достоинствъ, нежели самой Факардинъ. — Услуги маленькаго Григри были бы ей горaздо любезнѣе.

Астарта мыслила благоразумно: она искала и нашла въ сердцѣ своемъ, въ разумѣ его, въ наставленіяхъ и часто въ шуткахъ замѣну за — нѣчто, безъ чего и самыя цѣломудрѣйшія не охотно вѣкъ проводятъ; (по крайней мѣрѣ когда должностію оно освящается.) Изъ всѣхъ же смертныхъ никто для нее способнѣе къ тому не могъ быть, какъ Комбабъ; ибо отъ высочайшихъ круговъ до малѣйшія пылинки обо всемъ говаривалъ и судилъ онъ не инако, какъ Соломонъ и Трисмегистъ; и для того не рѣдко Царица цѣлыя лѣтнія ночи проводила съ нимъ, и безъ принужденія пользовалась правами, которыя состояніе его ей давало: однимъ словомъ, она съ нимъ такъ обходилась, какъ будто былъ бы онъ одного съ нею полу. Часто въ тѣ

 часы,

часы, когда Зефирѣ оставляетѣ полдневный покой вѣ объятіяхѣ Флоры, сидѣли они вѣ густыхѣ кустарникахѣ одни, не помышляя, что люди о томѣ подумать могутѣ. И вѣ самомѣ дѣлѣ простительно было каждому подумать что нибудь. Тщетно вѣ мірѣ защищаются невинностью своею; добродѣтель познается вѣ ономѣ по единому блеску. Кто не принялѣ бы двухѣ разнаго полу людей, столько молодыхѣ, столько любезныхѣ и столь прекрасныхѣ, вѣ мирговыхѣ кустахѣ на единѣ сидящихѣ, за Адонида и Венеру.

Простительно еще сидѣть такѣ днемѣ; но половину ночей проводить наединѣ сѣ прекраснымѣ мущиной! — сѣ мущиной на единѣ! — „ Хотѣла бы я знать, что за разговорѣ ночью найти можно? „ — „ Испытайте, сударыня; ярадѣ дѣлать вамѣ компанію — Лѣтнія ночи скоро проходятѣ. — Лежатѣ вѣ это время свободно на цвѣтахѣ,

— слу-

-- слушаютъ пѣніе соловьевъ, -- и много кое-чего другаго. „ -- Такъ шутили между собою Царицыны придворные молодцы и дѣвицы.

Видна птица по полету; люди же сіи по Царскимъ переднимъ шатающіеся судятъ часто о дѣлахъ и дерзновенно. Положимъ, что Царица лишній часъ сидитъ съ Манторомъ своимъ; но можетъ ли сіе извинить ихъ подозрѣнія? Въ откровенныхъ разговорахъ легко и забываться можно. И въ самомъ дѣлѣ часы пріятныхъ ночей не лучшее ли время для разсужденій и философствованій? Они на то сотворены, чтобы восхищать непримѣтнымъ образомъ отъ тѣла духъ, а особливо когда тихое луны сіяніе едва касается чувства, и столько свѣта подаетъ, чтобъ точное изображеніе небеснаго жилища представить; а великолѣпный сводъ, усѣянный блестящими звѣздами, не наполняетъ ли духъ умиленіемъ?

Астарта въ такихъ ночахъ безконечное обрѣтала удовольствіе; и для того многимъ изъ друзей ея чрезмѣрно долгимъ кажется время, — доколѣ имѣть будутъ случай извѣстить ея супруга, какимъ образомъ Царица съ прекраснымъ своимъ пріятелемъ препровождала ночи.

Наступаетъ наконецъ день тотъ. Строеніе совершено, храмъ освященъ, жрецы опредѣлены, и чтобы ничего должнаго забыто не было, протекъ и третій годъ. Царь, коему не знаю что на сердцѣ тяжко становилось, споспѣшествуетъ усердно возвратному пути не для того, чтобъ не умѣлъ онъ между тѣмъ сокращать и провождать пріятно время; но извѣстно всѣмъ, что большіе господа любятъ перемѣну; да по примѣру ихъ охота сія ведется и между нами. Словомъ, уже возвращеніе не отлагается. Но одинъ изъ свиты посылается впередъ

съ доношеніемъ Его Величеству, сколь благополучно совершилося путешествіе, и сколь сильное желаніе имѣютъ обнять Царскія его колѣна. Безъ сомнѣнія старались избрать къ посылкѣ сей лучшаго изъ придворныхъ, но трудно было не обмануться. Тщетно старался Комбабъ быть другомъ человѣчества, услужливымъ, и обязать всѣхъ благодарностію. Фаворитъ не долженъ никогда надѣяться ни отъ кого благодарности; ибо взойдетъ его злощастная звѣзда, и всякъ, кто отъ паденія его мнитъ прибыль получить, есть первый его врагъ.

И самъ Меркурій съ привязными на ногахъ крыльями не догналъ бы отправленнаго впередъ гонца; столь велико есть желаніе изъ должныя вѣрности увѣдомить стараго Царя о томъ, сколь въ близкую родню вошелъ къ нему Комбабъ. Но вѣдаете ли вы, какъ въ подобныхъ случаяхъ описываютъ дѣла при-

 двор-

дворные господа. Повѣрьте мнѣ, что красокъ не жалѣютъ. Клянется головою и жизнь свою даетъ въ залогъ, коль найдется хотя единое слово не правильно въ его устахъ; свидѣтелями ставитъ всѣхъ Астартиныхъ придворныхъ, единогласно то подтверждающихъ.

Долго размышлялъ Царь и колебался, повѣрить ли всему тому; столь велика была его довѣренность къ Комбабу и супругѣ своей! но наконецъ принужденъ уступить. Ибо два-три достовѣрныя доказательства заставятъ хоть кого усумниться. Не можетъ онъ избѣжать ужасныя сея мысли. „Обманутъ, вопіетъ, отъ друга своего и отъ дражайшія Астарты!„ Съ симъ словомъ упадаетъ безчувственъ съ кресла. —

Едва возвратилася Царица, то мрачная темница заключаетъ ее съ Комбабомъ. „Какой соблазнъ! Вотъ такъ то можетъ видъ добродѣтели обманывать насъ!

насЪ! -- Кричатъ единогласно всѣ набожные и цѣломудрые. Воспоминается тотъ змій, что изкони прельщаетъ міръ, и предъ красотами и остроумными, яко начальниками всякаго зла, читается сей текстъ. Безобразіе (которое конечно не прельщаетъ никого) гордится, что служитъ лѣкарствомъ противу злыхъ помысловъ; а глупецъ хвалитъ Бога, что недостатокъ остроты ума наградилъ онъ ему смысломъ.

Между тѣмъ Царь продолжаетъ выслушивать свидѣтелей, и тысяча устъ клянется, что видали многократно ихъ однихъ въ подозрительнѣйшихъ мѣстахъ и въ подозрительнѣйшее время. Однажды видѣли ихъ въ саду въ бесѣдкѣ ночевавшихъ вмѣстѣ; не льзя ужъ было имъ еще быть ближе дабы видѣть все скрываемое отъ людей: время и мѣсто подаютъ всѣ доводы заключать о истиннѣ доноса.

Къ нещастію Комбабъ во всемъ, что донесено, ни мало не запирается, но слово въ слово признается, лишь только упорно въ томъ стоитъ, что Царица вѣрна осталась мужу своему, и чиста совѣстью, какъ чище быть не льзя, и что себя не можетъ онъ ничѣмъ попрекать. Но можетъ ли сіе исправить дурные виды сего дѣла? Свидѣтелей согласіе, собственное его признаніе, доказываютъ вину, достойную жесточайшія казни. Рѣшительный приговоръ заключается; Комбабъ предается мстительному мечу правосудія; уже ожидаетъ тебя, о бѣдный Комбабъ! кровожаждущій слуга правосудія, и Царь жаждетъ крови любимца своего.

,, Всѣ виды меня обвиняютъ, равнодушно говоритъ жертва его гнѣва. — Что дѣлать мнѣ? молчать лишь остается. Однако я умру невиненъ бывъ ни въ чемъ! — Сіе утѣшаетъ меня. — А ты, о Царь мой,

мой, къ спокойствію моея тѣни найдешь нѣчто въ доказательство невинности Астарты и моея честности, противу всѣхъ свидѣтельствъ, въ той коробочкѣ, что я тебѣ — воспомни Государь — предъ самымъ отъѣздомъ моимъ вручилъ. — Я готовъ уже умереть, и не ищу себя оправдать изъ страха; но ежели клятва и слово могутъ и Царя обязать, то требую въ семъ дѣлѣ правосудія. Ты клялся, Государь, возвратить коробочку мою въ цѣлости: теперь настоитъ время, теперь вели ее подать.

Царь ужасается; всеобщій вопль народа требуетъ безъ умедленія сея коробочки. Всякъ старался угадать, что было въ ней; но истинна никому и въ голову не приходила. Царь повелѣваетъ; вознесенная рука на умерщвленіе удерживаетъ мечь; коробочка приносится; сердца всѣхъ смертнымъ страхомъ объемлются, Комбабъ единъ

рав-

равнодушенъ. Царь самъ пріемлетъ ее въ свои руки, осматриваетъ кругомъ и все находитъ въ такомъ состояніи, какъ принялъ онъ изъ рукъ Комбаба. Тогда Комбабъ начинаетъ говорить: „ Воспомни, Государь, что я вручая тебѣ сказалъ, что драгоцѣннѣйшее и любезнѣйшее для меня заключается въ сей коробочкѣ. Теперь могу сказать, что хуждшее въ нѣкоторомъ смыслѣ. Однако изъясню тебѣ, что не взялъ бы я всего царства твоего, ежели бы погублено было то, что ты увидишь въ сей коробочкѣ.

Дабы рѣшить загадку для себя и цѣлаго народа спѣшитъ открыть Царь коробочку сію, и какъ будто пораженный громомъ стоитъ недвижимъ и мнитъ очарованнымъ быть; ибо вещь, доказующая невинность Комбабову, бальсамированная выемлется къ неоспоримому опроверженію всѣхъ ложныхъ свидѣтельствъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, никто не былъ больше Его Величества удивленъ. Но еще не достаетъ чего-то къ совершенному его успокоенію; Комбабъ то угадываетъ, и тотчасъ всѣ возможныя сомнѣнія отъемлетъ; самые невѣрные признаться наконецъ должны въ его невинности.

Потомъ повергается онъ къ стопамъ своего Государя, и сказываетъ все подробно, по какимъ мудрымъ и неоспоримымъ догадкамъ послѣ сильнаго противоборствія отважился онъ учинить ужасное сіе дѣйствіе надъ собою. Чувствительно и краснорѣчивѣе самаго Димосѳена разсказываетъ нашъ герой проливая горячіе ручьи слезъ, такъ что всѣ слушающіе ихъ, и самъ Царь, не могутъ отъ слезъ удержаться. — — Но выслушайте конецъ исторіи сея.

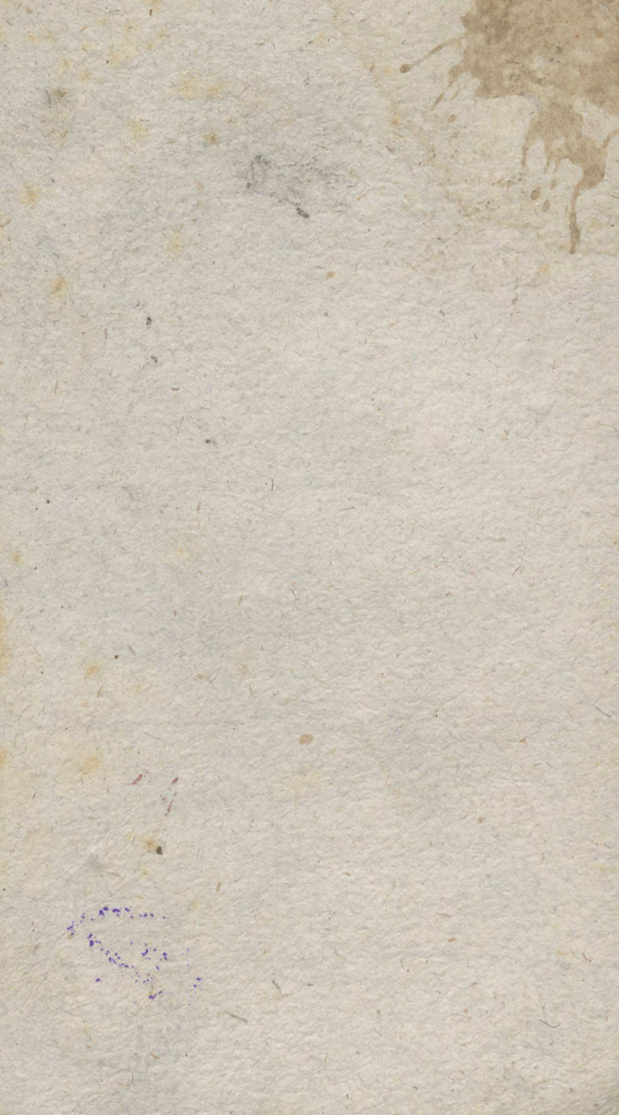
Царь съ нѣжнѣйшимъ сожалѣніемъ подъемлетъ любимца своего, какого не было еще и впредь не бу-

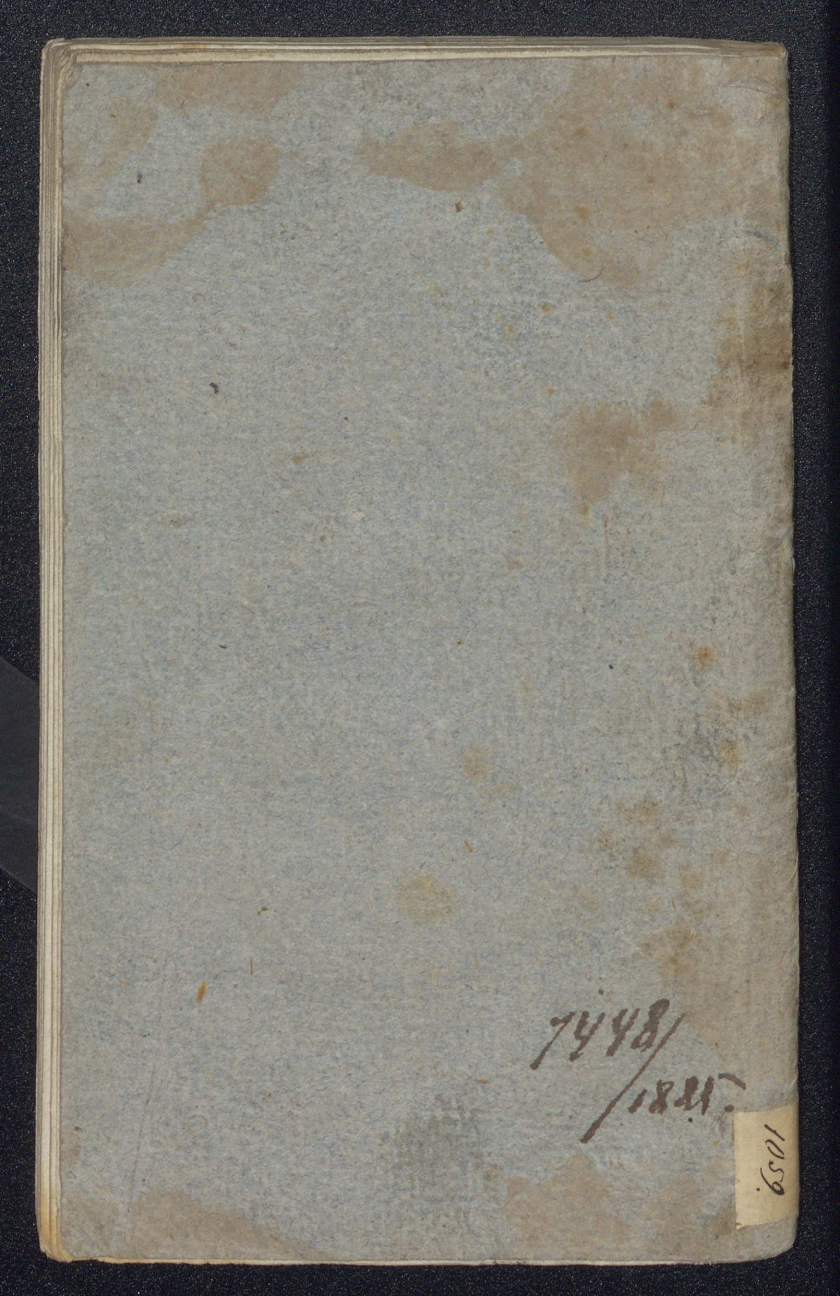
будетъ никогда, и проситъ, проливая слезы, простить ему тотъ проступокъ, что могъ онъ подумать о его невѣрности; однимъ словомъ, достойнѣйшій Комбабъ къ удовольствію всѣхъ людей пріемлетъ прежнее мѣсто и достоинство при Царѣ, и можетъ во всякое время быть на единѣ и съ Царицею и съ Царемъ.

Толпа вся придворныхъ не безъ зависти размышляла о принесенной жертвѣ Комбабомъ; такъ что множество, желая подобнаго щастія, вздумали Комбабами сдѣлать себя, и въ краткое время весь Дворъ состоялъ изъ однихъ людей, лишившихся тщетно человѣчества.

Конецъ.

7448/1811
1059.